

© 2001 г. М.Д. ГРИНБЕРГ

РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ ЛЕНИЦИИ ВЗРЫВНЫХ В СЛОВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

В некоторых регионах распространение корошского диалекта словенского языка (слов. *koroško porečje*) обнаруживается необычная система оппозиций согласных, характерная для говора села Кнежа (Графенбах в современной Австрии¹). Фонемный инвентарь этого говора составляют три глухие смычные /p, t, q²/, семь щелевых /β, δ, f, s, z, š, ž/, две аффрикаты /c, č/ и глухой фарингальный аппроксимант /h/. Эти согласные соответствуют праславянским фонемам *p, *t, *k; *b, *d, (*f); *s, *z, *ž/z'; *c, č/t', *g [Logar 1981b: 202, 210]. Две черты в этой системе аномальны и требуют пояснений. Во-первых, хотя изменение взрывных согласных в щелевые засвидетельствовано во многих языках (например, в романских, германских и тюркских), оно мало распространено или вовсе отсутствует в славянских³. Во-вторых, отсутствие фонемы /k/ – явление, чрезвычайно редкое в языках мира. Из 918 фонологических систем, собранных в книге [Maddieson 1984], ее лишены только четыре языка. При этом наличие фонемы /q/ обычно предполагает и присутствие /k/⁴. Эти отклонения от общеславянской модели тем интереснее, если учесть, что они встречаются в периферийном диалекте, известном своими фонологическими архаизмами (сохранение праславянских носовых гласных, музыкального ударения, восходящий характер дифтонга, отражающего праславянские *ě*) [Logar 1973]. Хотя эти черты известны давно, существуют лишь приблизительные предположения о вызвавших их причинах и времени их возникновения⁵. Мы предлагаем новое решение этой проблемы и новую хронологию связанных с ней процессов. Причиной недостатка внимания к этим процессам в послевоенное время является, очевидно, повышенный интерес исследователей прежде всего к просодической и вокалической системам словенской фонологии. Мы же стараемся подчеркнуть значимость рассматриваемых явлений в словенском для реконструкции праславянского консонантизма.

¹ Необычность корошского консонантизма была отмечена уже в 1842 г., как отметил Пристли, ссылаясь на исследование Урбана Ярника [Priestly 1997: 126]. Первым исследователем, изучившим систему корошских отклонений от литературного языка, был Исаченко, рассматривавший его фонетику в диахронии [Isačenko 1963a: 55]. Историческая проблема затрагивалась также в работах Пристли [Priestly 1976] и отчасти Ленчека [Lenček 1989].

² Знак *q* обозначает гортанный смычный.

³ *δ* и *θ* встречаются в македонском говоре с. Бобошица (Албания), но только в заимствованных из греческого и албанского словах. С другой стороны, фонемы /b, d, g/ соответствуют праславянским [Ivić et al. 1981: 759]. Поэтому фрикативные согласные появились здесь вовсе не в результате лениции.

⁴ Фонему /k/ мы определяем как велярный глухой смычный, отрешаясь от его дополнительных дифференциальных признаков, таких, как глоттальность, ларингальность или придыхательность. Языки с отсутствием /k/ суть следующие: киргизский (062), тагальский (414), кева (610) и хупа (705). Номера приводятся по [Maddieson 1984].

⁵ Р. Ленчек [Lenček 1989] был, очевидно, первым исследователем, обратившим внимание на связь между праславянскими изменениями *g > γ и *b, *d > словенские диалектные β, δ.

Мы опираемся на модель фонологического изменения, включающую в себя два этапа – дедуктивный (обусловленное системой фонетическое изменение влечет за собой двусмысленность) и абдуктивный (преодоление двусмысленности говорящим, выбирающим из нескольких альтернатив одну, основную). В результате этого процесса перестраивается исходная система фонологических оппозиций [Andersen 1973]. В результате этой перестройки появляются морфонологические и лексические инновации. Фонологическая вариативность может приобретать и социолингвистическую значимость, заключающуюся в том, что один вариант становится положительно окрашенным, а другой – отрицательно, вследствие чего употребление отрицательного варианта обычно сужается [Журавлев 1986: 199–200; Greenberg 1999].

Наша интерпретация основана на исследовании системы напряженных и ненапряженных смычных. Существенными являются четыре базовых имплицативных суждения. (1) Различие между напряженными и ненапряженными согласными является градуальным и зависит от усилия ротовых мускулов при произнесении (проявляемого либо в виде большего или меньшего времени смычки, либо в степени придыхания, либо в градуальной оппозиции "смычный – придыхательный – аппроксимант"). (2) Сила оппозиции напряженного и ненапряженного зависит от их позиции. Например, в испанском смычные между гласными произносятся с меньшим усилием, чем в начале слова: лат. *pacāre* > испан. *pagar* "платить" (в отличие от лат. *regāle* > *real* "королевский"), но лат. *quando* > испан. *cuando* "сколько", лат. *guardāre* > испан. *guardar* "сторожить". (3) Относительная иерархия согласных по степени напряженности выглядит так (в сторону ослабления): напряженные [p, t, k] > [b, d, g] > ненапряженные [b, d, g] > [β, ð, γ] > ∅ [Kohler 1984: 156]. Изменения могут происходить в синхронии, т.е. в зависимости от позиции, или же в диахронии, т.е. обуславливают перестройку фонологической системы [Kohler 1984: 157–158]. (4) Согласные подвергаются лениции неравномерно: в порядке убывания – g > d > b. В таком различии может играть роль характер гортанных и собственно ротовых согласных [Kohler 1984: 157].

TENUES-MEDIAE: НАПРЯЖЕННЫЕ–НАНАПРЯЖЕННЫЕ ИЛИ ГЛУХИЕ–ЗВОНКИЕ?

Обычно полагают, что различие между праславянскими *tenues-mediae*⁶ основано на признаке /±звонкость/, исходя из того, что этот признак имеется в большинстве (если не всех без исключения) фонологических систем славянских языков. Возможна также система, в которой признаки /±напряженный/ и /±звонкий/ встречаются в одном звуке. Относительный ранг признака может быть установлен либо в анализе распределения аллофонов, либо с помощью экспериментально-фонетических данных. Исследование фактов прошедших эпох, разумеется, исключает возможность фонетического эксперимента, поэтому ученому остается только типологическое сравнение с живыми языками.

Можно показать, что в корошском диалекте после падения редуцированных *tenues-mediae* различались напряженностью, что видно из данных, полученных в с. Кнежа (Графенбах): *strāwa* "здоровая", с. Селе (Sele/Zell) *strāwi* "здоровье", *stēt se* "казаться"⁷, с. Рож (Rož/Rosental) *stī se mǝ* "мне кажется" [Ramovš 1924: 223]; *iǝspǝc* "Rauchküche" [Isačenko 1939] < прасл. **sъdoŕvaĭa*, **sъdoŕvъje* и *sъdĕti se*, *jъstъhъсь* соответственно. Эти же явления наблюдаются и в др.-русск. *сторовъ* "здоров", др.-польск. *strowy* "то же", н.-луж. *strowy* "то же"; в.-луж. *jstwa*, н.-луж. *špa* "изба, комната". Эти примеры противоречат обычной регрессивной ассимиляции по звонкости/глухости,

⁶ Термины *tenues* и *mediae* здесь употребляются условно, чтобы указать на оппозицию *p, t, k, s* (*tenues*) vs. *b, d, g, z*... (*mediae*) без детализации (+ звонкий), (+ напряженный).

⁷ Материал по Селе из своих полевых записей любезно предоставил Т. Пристли (Университет Альберта, Канада). Пользуюсь случаем выразить ему за это, а также за ценные советы и замечания свою глубокую благодарность.

наблюдаемой в славянских языках: словен. *zdráva, zdrávuje, zděti se*, чеш. *zdravá, zdraví, zdát se*; русск. *здоровая, здоровье* ([Фасмер II: 120; III: 768; Bezlaž 1995: 324]; см. еще [Shevelov 1965: 364–369] для других аномальных явлений в славянских в ассимиляции по звонкости/глухости в других славянских языках)⁸. Такое отступление от общих правил можно объяснить, если допустить, что в праславянском диалекте (по крайней мере в той его части, которая затем развилась в корошский), как и в других праславянских диалектах, где наблюдаются подобные явления, оппозиция *tenuis-mediae* после падения редуцированных реализовалась именно как напряженность–ненапряженность. Физиологическая причина этого заключается в том, что при произнесении согласных первого типа напряжение гортанной щели вызывает замедление действия голосовых связок. Это и отражено в вышеприведенных корошских и других славянских примерах, где группы согласных оглушились. Усилие голосовых связок связано с распространением признака звонкости назад, т.е. регрессивной ассимиляции (см. [Kohler 1984: 159–166]). Что же касается самой ассимиляции, то это явление было чисто комбинаторным, затем фонологизировалось различными путями. Так, группа *st*, которая возникла из **sʔd-* в результате прогрессивной ассимиляции, сохранила устойчивость только там, где не было чередования с сильной позицией, в которой был бы ясен характер смычного. В чередованиях беглого гласного (возникшего как результат падения редуцированных), наблюдается либо отсутствие ассимиляции (в с. Селе [Sele/Zell] – *swə̀dqa* "сладкий" < **soldʔkā*), либо типичная для славянского регрессивная ассимиляция, например, *swàtqa* в с. Кнежа. Интересное исключение, подтверждающее правило, можно найти в с. Селе *dəqàt* (< **təkāti*) "ткать", где после вокализации редуцированного аллофон /t/ внесистемно присоединился к фонеме /d/.

Оппозиция напряженности–ненапряженности могла возникнуть в результате контактов с южнонемецкими диалектами, где имеется нечто подобное (хотя в самих немецких языках это явление и считается инновацией [Жирмунский 1964: 204–205]). Однако в современных реконструкциях индоевропейского консонантизма имеется возможность того, что славянская оппозиция напряженных–ненапряженных происходит непосредственно из такой системы, в которой звонкость была лишь дополнительным признаком [Гамкрелидзе, Иванов 1980]⁹. Индоевропейский глухой (*tenuis*) можно интерпретировать как напряженный, звонкий (*media*) непридыхательный – как глоттализированный ненапряженный, а звонкий придыхательный – как ненапряженный неглоттализированный [Kortlandt 1985: 186–188, 197–198]. Как известно, в балто-славянском глоттализированные и неглоттализированный слились, и это произошло после действия закона Винтера.

Независимо от того, отражает ли славянская оппозиция напряженности–ненапряженности балто-славянское наследие, или же является инновацией, она имеет следствием диалектное изменение праславянского **g > ɣ* в центральных славянских диалектах, что показал Андерсен [Andersen 1969: 567–568], ненапряженные смычные характеризовались краткостью затвора и отступа [Andersen 1969; Kohler 1984]. В корошском диалекте лениция происходила в два этапа: 1) потеря затвора (*g > ɣ*); 2) потеря ффрикативности (*ɣ > h*), причем последний звук выпадал в определенных позициях. Дальнейшим этапом развития фонологической системы могла быть потеря звонкости, но для нас сейчас это не так важно: звонкость как различительный признак могла появиться чисто комбинаторно, и лишь затем приобрести фонологическое значение. Например, в говоре с. Кнежа /h/ функционирует как глухой смычный (противопоставленный глухому целевому, возникшему из праслав. **x*), так как он вызывает

⁸ Приведем еще один случай возможной прогрессивной ассимиляции в словенском и кайкавском диалекте сербско-хорватского языка: *nihče* < **ni-kʔto-že*. Но первоначальная структура этого *lectio difficilior* остается неясной, поэтому его нельзя считать безупречным примером прогрессивной ассимиляции [Snoj 1997: 382].

⁹ Некоторые инновации, объединяющие южнонемецкие диалекты со словенскими, возникли, по-видимому, именно в словенском [Neweklowsky 1989: 209].

регрессивную ассимиляцию по звонкости: *shuŕŕwa* "потеряла" (<*(i)zqubŕla). Звук подвержен позиционному выпадению: *putŕn(ə)* "тянет" (<**potégne-(tŕ)*), *ŭx* "глух" (<**glŭxŕ*), ср. также ситуацию в говоре с. Обир (Obir/Ebriach), где звук выпадает между гласными: *čáwe* "чи" (<*čigav-, в конечном итоге из *čŕjego + *-ovŕ¹⁰), и в говоре с. Костанье (Kostanje/Köstenburg) *ŭsočŕ* "высокого" (<**vysokĕgŕ*).

Процесс лениции наблюдается в различных территориях славянского языкового ареала. Наглядные примеры его развития можно видеть в Зильской и Резьянской долинах на Северо-Западе Словении. Хорошо известно, что оба района исторически связаны между собой и эта связь была прервана немецкой оккупацией в XIV в. [Ramovš 1935: 30–31; подробнее см. Vermeer 1993: 120–123]. В обоих диалектах наблюдается последовательное ослабление лениции с востока на запад (где лениция уже не наблюдается). В Канальской долине (зильский диалект) в говоре с. Уквэ (Ukve/Ugovizza) **g* произносится как щелевой (*ŕora* "гора", *noŕa* "нога") [Logar 1971: 116]; в говоре крайне западного села Брдо (Brdo/Egg) Зильской долины сохранился смычный (*gŕora*, *nŕga*). В крайне восточном говоре с. Солбица (Solbica/Stolvizza) Резьянской долины **g* > *ŕ* (*lŕawa* "голова", *nŕga* "нога"), на западе, в с. Ньива (Nijva/Gniva) наблюдается *h* (*hlŕava*, *nŕha*), а на крайнем западе в с. В Били (V Bili/San Giorgio) смычный также сохранился (*glŕawa*, *nŕga*; примеры из [Steenwijk 1993b: 110]). Лениция стала развиваться в обоих ареалах до того, как связь между ними оказалась прервана, но ни в одном из них не охватила всю территорию до западных границ (см. карту, изоглосса III).

ЛЕНИЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКОГО **g* И РАЗВИТИЕ КОРОШКОГО *q*

Лениция наблюдается на северо-западе словенской языковой территории – в большей части корошского, приморского ареалов, а также части северо-восточного гореньского диалекта. В прошлом лениция, очевидно, была распространена на более значительной территории, на что указывают тексты, записанные, начиная с XII в. и засвидетельствовавшие леницию на довольно значительной территории. Например, название городка Rogatec (<прасл. **rŕgŕ*) к востоку от г. Целье (Celje) недалеко от словенско-хорватской границы записано как *Roas* (1130), *Rohats* (1192), *de Rohatsch* (1234), *de Rohathes* (1254), *Rohats* (1363); название с. Прелог (Preloge – из *lŕgŕ* "луг") вблизи г. Коньицк (Konjice) на севере от Целья – *am Prelog* (1369), *Prelagkh* (1387), *Prelagk* (1480) и в соседстве с с. Мокроног в Доленьской (Dolenjsko) – *Priegloch*; ср. также письменное обозначение с. Залог (Zalog) около Любляны: *Zalog* (1336), *Zaloch* (1339), и около г. Ново Место (Novo Mesto) в Доленьской – *Saloch* (прибл. 1180 г.). В северо-западной Гореньской около г. Тржич, название с. Голник (*Gŕlnik* < **gŕlŕ*) записано как *Wollenick*, *Wallenigk* (1436), позднее – *Gallenberg* (1483)¹¹. Каждый из этих топонимов находится за пределами современной территории распространения лениции (см. карту, изоглосса I)¹².

Хотя лингвогеографические сведения наводят на мысль о том, что переход **g* > *ŕ* –

¹⁰ Ср. пример из с. Тацен (Tasen) *žŕŕve*, указывающее на время новой редукции гласных (падение безударных *i*, *u* > *ə* > *ŕ*, развившееся в западных и центральных диалектах словенского в XVI в.). В корошском диалекте этот процесс начался позже, после перехода **g* > *h* > *ŕ*.

¹¹ Все топонимастические записи любезно предоставлены из собственных записей д-ром филологических наук Марко Сноем (Словенская академия наук и искусств в г. Любляне). Он также ознакомился с первым настоящим вариантом статьи и сделал ряд ценных замечаний, за что я ему чрезвычайно признателен.

¹² Марко Сной сообщил мне также, что в местности Тацен (северо-западный пригород Любляны) *ŕ* был обиходным еще в его детстве (он родился в 1959 г.), а сегодня почти все его ровесники из с. Тацен, включая и земледельцев, т.е. не работающих в городе людей, произносят взрывное *g*.

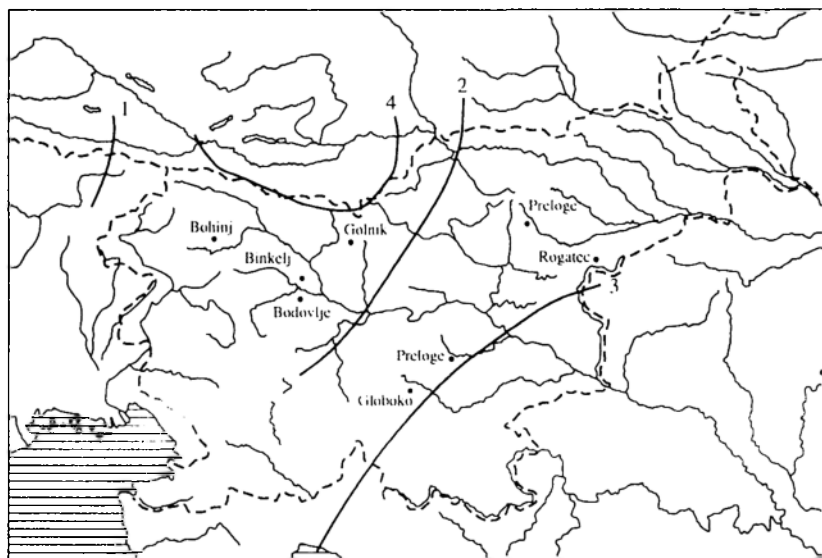
это позднепраславянский диалектный процесс, охвативший также чешский, верхнелужицкий и восточнославянские языки, вопрос об этом до сих пор остается предметом дискуссий [Trubetzkoy 1933; Isačenko 1939b; Lenček 1989]. Существует ряд словенских говоров, прежде всего корошский, где лениции подвергаются также праслав. **b*, **d*. В гореньском диалекте это явление наблюдается только в конце слова. Бóльшее распространение *g > ʁ* в словенских диалектах означает, что этот процесс начался раньше.

Когда в звуке *g* была утрачена смычность, возникла двусмысленность: неясно, является ли фонема **ʁ* парной к **k* или к **x* [Trubetzkoy 1933: 273]. В говоре с. Кнежа в конце слова фонема /h/ слилась с рефлексом праслав. **x*: *jũx* "южный ветер" < *jũgъ*; *piãx* "ног" (р.п. мн.ч.) < **nogъ*, *ðrax* "грецкий орех" < **orẽxъ*. Это свидетельствует о том, что *ʁ* стало парным к *x*, тогда как рефлекс праславянского взрывного **k* остался без пары. Разделение же праслав. **k* и **g*, в свою очередь, вызвало новое противоречие в системе. Как всякий напряженный смычный, **k* произносился благодаря резкому сужению гортани с последующим подъемом задней части языка к мягкому небу и затем – его опусканием [Kohler 1984: 160]. Поскольку же смычный напряженный не находился в оппозиции с ненапряженным (в отличие от пар **p – *b*, **t – *d*), то было неясно, какое именно движение для него является основным: сужение голосовой щели или же подъем языка. Но любая реинтерпретация системы, связанная с этой двусмысленностью, не отражается на признаке /–компактность/, свойственном фонемам *k* и *q* и /+компактность/, характеризующем *p* и *t*. Это объясняет причины перехода **k > q* в корошском диалекте: сужение голосовой щели воспринималось как основной способ, и подъем языка мог вследствие этого утратиться. Утверждение, что глоттальный звук мог образоваться путем сужения гортани, а не собственно глоттальной смычки, помогает объяснить, то обстоятельство, что глоттальный в корошском диалекте в некоторых случаях реализуется не как смычный, а как ларингализация окружающих звуков или как немой тактовый толчок [Neweklowsky 1970; Priestly 1976: 268; 1982: 31]. Диалектная география подтверждает связь перехода **k > q* с развитием **g* в *ʁ*: рефлекс *q* есть только в тех корошских говорах, в которых засвидетельствована лениция *g*.

ЛЕНИЦИЯ **b*, **d* И ОБРАТНЫЙ ПРОЦЕСС (ПАДЕНИЕ)

Территориальное распространение лениции **b*, **d > β*, *ð* не поддается точному определению. Она засвидетельствована в корошских говорах, где в полной мере наблюдается только в говоре северной Подъюны (Podjuna), где находится многократно упоминавшееся с. Кнежа. В южной же Подъюне это явление отсутствует [Zdovc 1972: 42]. Исаченко отмечает, что оно встречается в с. Селе, а в Подъюне – на север от р. Драва, на юге же от Дравы – около с. Блаче (Blače), в восточной части рожского говора (Грабштейн – Grabstein/Grafenstein), Тинье (Tinje/Teinach), Шмарьета (Šmarjeta – Sankt Margarethen), Жихполье (Žihpolje/Maria Rain), в Зильской долине "и, наконец, практически во всех корошских говорах" [Isačenko 1939: 33–34]. Как пишет Паульсен, в восточной части зильских говоров, представленных в местностях, окружающих с. Быстрица (Bistrica/Feistritz) и с. Раднья вас (Radnja vas/Radendorf) целевое произношение фонем /b, d/ факультативно и имеет место главным образом в конце слова, между гласными, а также в начале слова перед согласным [Paulsen 1935: 48, 151–153]. По данным Логаря, фрикативная артикуляция *β*, *ð* засвидетельствована и в современном западном рожском говоре, в с. Костанье (Kostanje nad Vrbskim jezerom/Köstenberg), в Зильской и Верхне-Сочской долине [Logar 1967; 1973]. Лаусеггер утверждает, что в с. Мария на Зилье (Marija na Zilji/Maria Gail), южнее г. Бельяк (Beljak/Villach) фонемы /b, d/ факультативно фрикативны. К тому же /w/ (< **v*) перед гласными переднего ряда факультативно, но часто реализуется как /b/ (*bĩdãm/vĩdãm*) "я вижу" [Lausegger 1989: 140]. В северной Гореньской фрикативность ограничена позицией в конце слова.

Все это можно объяснить, если предположить ослабление лениции прасл. **b, *d*; иными словами, щелевые звуки заменились смычными там, где еще не произошла фонологизация фрикативности. Данные о лениции в тех говорах, где она сейчас не засвидетельствована, известны для гораздо более широкого ареала, чем сегодняшний. Они встречаются, например, в записях XV века. Идея о падении лениции подтверждается спорадическим слиянием **v* и **b* в *b*, т.е. бетаизмом в топонимах на территории вне нынешнего ареала лениции. Например, в ловенском литературном языке *Benétke* "Венеция" (в говоре с. В Били – *Banítke* (<**venetъ* < роман. *venetia* [Bezljaj 1977: 17]); *Bodovlje* (топоним к югу от г. Шкофья Лока в Гореньской), происходящее из **q-dolъ* "долина" (с протезой *v*), записано как *Vondeul* (1291, 1318), *Vodobli* (1500); *Bohinji* (озеро в Гореньской) записано как *in Vochina* (приблизительно 1250), *in Fochin* (прибл. 1253), *in Vochino* (прибл. 1287), *de Bochino* (1333), *Binkelj* записано как *in dem Winchel* (прибл. 1300), *ze Alten Lak zu Winkhel* (1392), *im Winkhl* (прибл. 1500 < нем. *Winkel* "угол") (см. карту, изоглосса II¹³). Бетаизм не ограничен одними топонимами, ср. еще словен. *bájar* "пруд" (прост.) < нем. *Weiher*, *zβíazda* (с. Селе) "звезда" (<**zvězďa*), *zβirína* "зверь" сохраняется в речи и тех, кто в остальных случаях не использует β. В областях ослабления лениции *b* заменяет β и *v* в тех лексемах, где аллофоны **b(β)* и **v* перекрывают друг друга или достаточно близки, например, в начале слова, особенно если в соседнем диалекте не было конкурирующей модели произношения. Параллели для такой гиперкоррекции находим в чешских диалектах (например, северно- и восточночеш. *rabouk* "паук", *břesk* "вереск", но чешское литературное *ravouk* "паук", *vřes* "вереск" [Bělič 1972: 25], в переходе *g > γ* в севернорусских диалектах [Andersen 1969: 142]). Эти примеры доказывают, что ареал лениции в славянских языках раньше был значительно шире.

Карта словенской языковой территории с изоглоссами разновидностей лениции

Зап. от изоглоссы 1: сохранение **g* как взрывной смычной

Зап. от изоглоссы 2: предполагаемый исторический ареал изменения **b, *d > β, đ*

Зап. от изоглоссы 3: предполагаемый исторический ареал изменения **g > γ*

Зап. от изоглоссы 4: **k > q*

¹³ Бетаизм (переход *v > b*) традиционно приписывается тиролюскому влиянию, хотя Рамовш указывает на возможность чисто комбинаторного объяснения (см. [Ramovš 1924: 158–159] и цитируемую там литературу).

Такое же объяснение приложимо и к тем диалектам, где лениция сохраняется только в конце слова, например, в гореньских. Здесь конечный **-b* реализуется как *f*, а **-d* – как *θ* или *-s*. Именно такие рефлексy выпадают. Например, по данным Логара, в говоре с. Репнье (Repnje), 14 км на север от Любляны, произносится *zōf* (<*zqbъ) "зуб", *golōf* (<*gōlabъ) "голубь". Однако преобладает смычное оглушение: *poγr̥p̥* (<*pogrēbъ) "похороны", *jāstrep* (<*jāstgrēbъ) "ястреб" [Loger 1981a]. Вероятно, здесь имела место такая же лениция, как в корошском диалекте, но затем щелевые согласные по стилистическим причинам заменились на смычные. Но почему же фрикативные звуки сохранились в конце слова? Видимо, потому, что здесь согласный звонкий оглушался. Фрикативные варианты стали ассоциироваться с соответствующими фонемами: *-f* – с */f/*, *-q* и *-θ* – с */s/*. С этим связано то, что аллофон *θ* не образовал новой фонемы, а присоединился к */s/*. Это объяснение подкрепляется и лингво-географическими данными: там, где лениция отсутствует, нет и оглушения согласных в конце слога (Чрни врх [Črni vrh], Полянска долина [Poljanska dolina], Логатец [Logatec], Селца [Selca], Шкофья лока [Škofja loka] и Хорьюл [Horjul] (см. карту) [Lenček 1989: 223].

ХРОНОЛОГИЯ

Как показывают примеры типа *střāwa*, оппозиция напряженных–ненапряженных в корошском диалекте имела место во время падения редуцированных, когда появились новые группы согласных, а в некоторых словенских диалектах существовала и некоторое время после падения редуцированных. Абсолютную хронологию ее переинтерпретации в звонкости–глухости трудно установить как из-за скудости рукописных данных, так и из-за несовершенства немецкой и латинской графических систем, не приспособленных для передачи интересующих нас особенностей. Тем не менее имеющиеся источники позволяют сделать некоторые выводы. Так, во Фрейзингенских листках (ФЛ), написанных между 972 и 1039 г., вероятно, под диктовку говорящего пословенски и адресованных, скорее всего, немецкому духовному лицу [Bernik et al. 1993: 65], написание глухих и звонких свидетельствуют, скорее всего, об оппозиции напряженности–ненапряженности. Одно из таких свидетельств, ранее не отмечавшееся или приписывавшееся особенностям каролингского письма, – отсутствие ассимиляции по звонкости–глухости в группах согласных: *redka* мн.ч. ср.р. (<*rēdъk-) "редкие", *tatbe* мест. п. ед.ч. (<*tātъbъ-) "кража", *tatbinah* мест. п. мн.ч. "то же". Аналогично оппозиция звонкости–глухости не нейтрализуется в конце слова: *Eccę bi dēd nas* "если бы дед наш" (*dēdъ*), *edin Bog* "един Бог" (<*bōgъ); *Gozpod zuueti* "Господь святой", *pongeze bih na zi zuet vuuraken* "когда я был на этот свет возвращен" (<*svētъ), *iz uuevka v uuek* "во веки веков" (<*vētъ). Если не предполагать, что немецкий писарь хорошо знал славянскую морфонологию, то естествен вывод об отсутствии оглушения в языке ФЛ (вопреки утверждениям критических изданий). Далее, после щелевого и в начале слова перед безударным гласным глухой смычный иногда передается графемой для звонкого: *Gozhod* (1х), *Gospod* (3х), *izbovedati ze* (<*izb-povēdati sę) "исповедаться", *izproued*, *izprouied* "исповедь", *izbovediu* "то же", тв. пад. ед.ч.; *bozzledine* "последнее" вин.п. ср.р. ед.ч. (<*poslēdnъ-); *botomu* (2х), *potomu* (2х) "потому" (<*potomu), поскольку такие примеры встречаются в позициях, где напряженные обычно ослабляются (ср. англ. [pʰ]in "булавка" vs. s[p]in "вертеть"), они подтверждают предположение о базовой оппозиции напряженности–ненапряженности.

Как показал Андерсен, относительная хронология изменения **g > γ* связана с падением редуцированных [Andersen 1969: 558–562; 1977]. До падения редуцированных не могло существовать других групп смычных, кроме щелевого и смычного. Это позволяет установить, что изменение **g > γ* предшествовало падению еров в тех диалектах, где сохранялось смычное произношение этих групп (*g*, но *zγ*), но следовало за

падением там, где *g* стал фрикативным в любом окружении (*γ, zγ*) [Andersen 1969: 558–562]. В резьянском диалекте (кроме крайне западного говора села В Били, где сохранился взрывной *g*) лениция происходила после гласного или в начале слова, например, *bohāt* (<**bogatʰ*) "богатый", *hlās* (<**glāstʰ*) "голос", но после фрикативного смычный сохранялся: *drúzga* (<**drozdʰ*/**drozɡʰ*) "дрозд", *zvýzɡala* (<**zvizɡala*) "свистела". Падение еров до лениции подтверждается тем, что в новых группах смычных лениция после щелевого возможна: *zhúda* (<**sgoda*) "рано"¹⁴. Итак, резьянский диалект в этом отношении соответствует центральному ареалу с изоглоссой **g > γ*, который включает в себя белорусский, украинский, словацкий языки и восточно-моравский диалект чешского. В словенских же диалектах южнее и восточнее резьянского это изменение произошло после падения еров, ср. с. Комен (Komen) *dūyo* "долго", *bāzγa* (<**bʰzɡʰ*) "самбук", *žȳala* "она обожгла" (<**žʰgala*); с. Чрни врх *bōγat*, *γlās*, *žwīžγat* "свистеть", *mūzγa* (<**mōzɡa*) "мозг", род.п. ед.ч., *γȳādej* (<**sʰgodajb*) "рано"; с. Уквэ (Ukve/Ugovizza) *mažγanē* "мозги". В нецельном гореньском диалекте севернее Любляны тоже есть такое изменение, а также лениция смычного после щелевого в сочетаниях, возникших после падения редуцированных (ср. в Ярше (Jaře) *zγuri* (<**sʰgori-tʰ*) "сгорает", словен. *zgori*, также *žvižȳat* "свистеть"). Нет данных о том, чтобы в словенском (за исключением резьянских говоров) переход **g > γ* имел место (но такие данные могут появиться). Можно заключить, что лениция началась именно в резьянском диалекте и после падения редуцированных распространилась на восток и на юг. В отдаленных ареалах Верхней Короской лениция могла развиваться и позднее.

В отличие от перехода *d > đ*, рукописные свидетельства *β* на месте *h* имеются, так как смягченный *h* мог передаваться графемой *w*, а специального знака для *đ* не существовало. Написание *w* вместо **h* засвидетельствовано в словенских рукописях, датируемых второй половиной XV в.: в Стишской рукописи (Stiški rok., 1246 и 1440 г., интересующие нас данные встречаются в тексте 1440 г.), в Краньской рукописи (Kranjski rok., 1440), в Старогорской рукописи (Starogorski rok., 1492–1498) [Mikhailov 1998: 155, 186, 218]¹⁵. Примеры: **Стишская рукопись**: *zweſeydo* (3 раза с несущественными вариациями) "со словом" (**sʰ besēd(oj)q*), *woga* (1 раз)/*boga* (1 раз) (<**boga*), *wogi* (2 раза)/*buga* (3 раза) "бога" (<**boga*), *wogu* (2 раза), дат.п. ед.ч., *wofye* (1 раз)/*bofye* (2 раза) "божьему", мест.п. ед.ч.; *wodem* (<**bqđ-*) "буду", *wȳ/voȳ* (<**by-*) "я был", аор. 1 л. ед.ч.; *will* (<**bylʰ*) "был", *willu* "было"; **Краньская рукопись**: *wi(t)ti* "быть", *wodete* "будет", *Wog* "Бог", *wogat(h)imi* (2 раза) "богатым", *wofimi* (2 раза) "божьему", *wreſch* "без" (<**brez*); **Старогорская рукопись**: *wody* "пусть будет" (повелительное наклонение, 3 л. ед.ч.). Такой орфографии нет в древнейших памятниках, включая ФЛ и Целовецкую/Ратешскую (Celovški/Rateški rok., 1362–1390 гг.), как и более позднюю Чернейскую рукопись (Černjejski rok., после 1497 г.), хотя это различие можно связать не с хронологией, а с другими факторами, например, с особенностями орфографической традиции, отсутствием лениции в произношении у местного писаря. Итак, данные рукописей указывают на то, что лениция **h* (следовательно, и **d*) началась не позднее первой половины XV в. Топонимастических данных мало, но можно привести следующие: *Globochdorf* (1117 г.), *zu payden Globokg* (1431 г.), *Klain Globokw* (1463 г.), *Klain Glowoku* (1481 г.), *Chlain Glowokw* (1485 г.), соответствующие

¹⁴ Резьянские данные, записанные И.А. Бодуэном де Куртенэ, цитируются по [Groen 1989: 89–90].

¹⁵ Сведения о словенских рукописях, более поздних, чем ФЛ, приводятся по книге [Mikhailov 1998]. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить д-ра филол. наук Н. Михайлова, приславшего мне текст своей книги задолго до ее издания. Эта замечательная книга немало способствует пониманию развития словенского языка так называемого рукописного периода – от ФЛ до деятельности П. Трубара.

современному топониму *Globoko* (<*glqbðkъ), на р. Крка (Kрка) около с. Амбрус (Ambrus) в Доленской. Эти топонимы могут свидетельствовать о том, что лениция звука *b достигла южных словенских говоров до конца XV в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе предшествующего изложения были обнаружены различные конкурирующие между собой фонетические процессы в словенской языковой общности. Некоторые из них могут быть датированы абсолютно, иные же – только относительно, в связи с другими. На основании как типологических соображений, так и рукописных данных (прежде всего – из ФЛ) можно предположить, что в праславенском диалекте существовала оппозиция напряженных и ненапряженных согласных. Со временем она была преобразована: ненапряженные согласные потеряли признак смычности, т.е. стали щелевыми. Этот процесс развивался последовательно. Первый его этап развивался до X в., когда в прасловенском выпали редуцированные. Лениция *g > γ началась на северо-западе (в той части, которая позднее стала резьянским диалектом), что доказывают различные рефлексy *g и *zg в тех областях, где лениция предшествовала падению еров. Вероятно, эта ранняя лениция началась еще в праславянском и характерна для славянских диалектов на севере, на территории нынешней Австрии. В результате всего этого развилась изоглосса, отображенная в табл. 1: ареал А – диалект, в котором лениция предшествовала падению редуцированных; в ареале Б последовательность изменений была обратной. В табл. 2 представлена территория за пределами ареала А, где Б₁ – это диалект, в котором лениция распространялась в северо-западной половине Словении, и этот процесс длился несколько столетий. Внутри этого ареала, на севере словенской территории, а именно в Короской, имеет место переход *k > q. Это изменение не может быть датировано вне связи с *g > γ, который стал парным к глухому x. Именно из-за этого велярный смычный напряженный превратился в гортанный смычный или аппроксимант.

Таблица 1

*g > γ до падения еров (А)

А	<i>hogatъ</i>	<i>mozg-</i>	<i>sz̑goda</i>
Б	<i>boγatъ</i>	<i>mozg-</i>	<i>sz̑γoda</i>

Таблица 2

*g > γ после падения еров (Б₁)

Б	<i>boγatъ</i>	<i>mozg-</i>	<i>sz̑γoda</i>
Б ₁	<i>boγatъ</i>	<i>mozγ-</i>	<i>sz̑γoda</i>

**hogatъ* "богатый", **mozgъ* "мозг", **sz̑goda* "рано".

Ко второй половине XV в. лениция *b, d > β, ð начала распространяться на север и юг, по-видимому, охватив большую часть словенской территории, достигнув, возможно, и части доленского ареала на юге. Этот процесс представлен в ареалах В, Г, Д в табл. 3. Очевидно, эти ареалы меньше по площади, чем Б₁ из табл. 2, так как нет диалектов, где бы наличествовала лениция b, d и отсутствовала g. Эти черты связаны с общей тенденцией заменять оппозицию напряженности–ненапряженности на глухость–звонкость в системе смычных согласных. Одна из таких черт – замена γ на g,

соответственно β , δ на b , d по социолингвистическим причинам, что и по сей день наблюдается в некоторых селах. Эти ареалы обозначены в табл. 3 как Г и Д. Другая черта – оглушение конечного звонкого смычного, которое предполагает наличие оппозиции / $\pm$ звонкость/. В ареале, обозначенном буквой Е (большинство юго-восточных диалектов) в результате этого смычные нейтрализовались по звонкости ($p \rightarrow b$, $t \rightarrow d$, $g \rightarrow k > p, t, k$). В ареале Д (северная Гореньска) благодаря тому же глухие щелевые аллофоны отождествились с соответствующими щелевыми фонемами (f, s, x). Это подтверждается тем, что только конечные согласные типа *mediae* остаются щелевыми, а неконечные заменяются на звонкие. Ареал Г (Черни врх, Польянская долина, Логадец, Селца, Шкофья лока и Хорьул) – это диалекты, в которых произошел процесс лениции, но еще не развилось оглушение на конце слога. Ареал В (консервативный корошский диалект и говоры верхней долины р. Соча) остается не охваченным процессом падения лениции и конечным оглушением согласных, т.е. сохраняет архаизмы в соответствии со своим периферийным положением. Заметим, что в этой схеме остается неотмеченным то, что в отдельных периферийных говорах конечные согласные начинают оглушаться, например, в говоре с. Кнежа звонкость перед паузой нейтрализуется [Logar 1981b: 203]. Однако в результате этого не произошло трансформации системы, и такие говоры могли превратиться в диалекты типа Д, что и случилось с говором с. Селе корошской диалектной группы.

Таблица 3

Лениция *b, *d: падение лениции, оглушение конечных звонких

Л	В	<i>zôβ</i>	<i>xlâð</i>	<i>snēγ</i>	<i>čəβēla</i>	<i>vîði</i>	<i>sneγâ</i>	
↓	Г	<i>zôb</i>	<i>xlâd</i>	<i>snēg</i>	<i>čəbēla</i>	<i>vîdi</i>	<i>snegâ</i>	
↓	Д	<i>zôf</i>	<i>xlâθ/-s</i>	<i>snēx</i>	<i>čəbēla</i>	<i>vîdi</i>	<i>snegâ</i>	↑
	Е	<i>zôp</i>	<i>xlât</i>	<i>snēk</i>	<i>čəbēla</i>	<i>vîdi</i>	<i>snegâ</i>	О

↑ ↓ П

Л – лениция, П – падение лениции, О – оглушение.

Итак, аномалии, отмеченные в начале статьи, легко объясняются, если их считать не какими-то экзотическими инновациями, а продолжением общих праславянских тенденций, которые в словенских диалектах перестали действовать позже, чем в других славянских.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. 1980 – Реконструкция системы смычных общеиндоевропейского языка: Глоттализированные смычные в индоевропейском // ВЯ. 1980. 4.

Жирмунский В.М. 1964 – Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.; Л., 1964.

Журавлев В.К. 1986 – Диакроническая фонология. М., 1986.

Фасмер М. 1986–1987 – Этимологический словарь русского языка. 1–4 т. (перевод с немецкого языка О.Н. Трубачева). М., 1986–1987.

Andersen H. 1966 – *Tenues and mediae in the Slavic languages: A historical investigation*. Cambridge (Harvard University unpublished Ph.D. dissertation). Cambridge (Mass.). 1966.

Andersen H. 1969 – *Lenition in Common Slavic* // *Language*. 1969. 45.

Andersen H. 1973 – *Abductive and deductive change* // *Language*. 1973. 49.

Andersen H. 1977 – *On some central innovations in the Common Slavic period* // *Slovansko jezikoslovje*. Nahtigalov zbornik. Ljubljana, 1977.

Bělič J. 1972 – *Nástin české dialektologie*. Praha, 1972.

Bernik F. et al. 1993 – *Brižinski spomeniki*. Znanstvenokritična izdaja. Ljubljana, 1993.

- Bezljaj F. 1977 – Etimološki slovar slovenskega jezika I: A–J. Ljubljana, 1977.
- Bezljaj F. 1995 – Etimološki slovar slovenskega jezika III: P–S. Ljubljana, 1995.
- Grafenauer I. 1905 – Zum Accente im Gailthalerdialekte // *AfsIPh*. 1905. 27.
- Greenberg M.L. 1999 – Multiple causation in the spread and reversal of a sound change: Rhotacism in South Slavic // *Slovenski jezik. Slovene linguistic Studies*. 1999. 2.
- Groen B. 1980 – On the phonology of the Resian dialects. The consonant system // *Studies in Slavic and general linguistics* 1 / Ed. by A.A. Barentsen et al., Amsterdam, 1980.
- Isačenko A. 1936a – Les parlers slavecs du Podjunje en Carinthie: description phonologique // *Revue des études slaves*. 1936. 15.
- Isačenko A. 1936b – Zur Frage der 'zentralslavischen' Lautveränderungen: der Wandel $g > \gamma$ im Slovenischen // *Sbornik Matice slovenske* 1936. 14/1.
- Isačenko A. 1939 – Narečje vasi Sele na Rožu. Ljubljana, 1939.
- Ivić P. et al. 1981 – Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.
- Karničar L. 1990 – Der Obir–Dialekt in Kärnten. Die Mundart vom Obriach/Obirsko im Vergleich mit den Nachbarmundarten von Zell/Sele und Trögern/Korte. Wien, 1990.
- Kohler K.J. 1984 – Phonetic explanation in phonology: The feature fortis/lenis // *Phonetica*. 1984. 41.
- Kortlandt F. 1985 – Proto-Indo-European glottalic stops: The comparative evidence // *Folia linguistica historica*. 1985. VI/2. 6.
- Laussegger H. 1989 – Značilnosti slovenskega govora pri Mariji na Zilji // *Zbornik razprav iz slovenskega jezikoslovja. Tinetu Logarju ob sedemdesetletnici*. Ljubljana, 1989.
- Lenček R.L. 1989 – Notes on the evolution patterns of the common Slavic $*g > \gamma$ and $-g > -x$ in Slovene dialects // *Slavistična revija*. 1989. 37.
- Logar T. 1967 – Dialektološke študije XII. Govor vasi Kostanje nad Vrbskim jezerom // *Slavistična revija*. 1967. 15.
- Logar T. 1968 – Dialektološke študije XIV. Govor vasi Kneža pri Djekšah na Koroškem // *Slavistična revija*. 1968. 15.
- Logar T. 1971 – Dialektološke študije XV. Govor slovencev Kanalske doline v Italiji // *Slavistična revija*. 1971. 19.
- Logar T. 1973 – Slovensa koroška narečja v Avstriji // *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture* IX. Ljubljana, 1973.
- Logar T. 1981a – Govor Repenj – Kopitarjevega rojstnega kraja // *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture* XVII. Ljubljana, 1981.
- Logar T. 1981b – Kneža (Grafenbach; OLA 148) // Ivić P. et al. *Fonološki opisi srpskonhrvatskih/hrvatskosrpskih i makedonskih govora obuhvaćenih opšteslovenskim lingvističkim atlasom*, Sarajevo, 1981.
- Maddieson I. 1984 – Patterns of sounds. Cambridge, 1984.
- Mikhailov N. 1998 – Frühslovenische Sprachdenkmäler. Die handschriftliche Periode der slowenischen Sprache (XIV. Jh. bis 1550). Amsterdam, 1998.
- Newekłowsky G. 1970 – Der laryngale Verschlusslaut im Slovenischen // *Wiener slawistisches Jahrbuch*. 1970. 16.
- Newekłowsky G. 1989 – Slowenisch und Deutsch in Kärnten: Phonetische Gemeinsamkeiten // *Zbornik razprav iz slovenskega jezikoslovja. Tinetu Logarju ob sedemdesetletnici*. Ljubljana, 1989.
- Paulsen V. 1935 – Lautlehre des slowenischen Gailtalerdialektes in Kärnten. Wien, 1935 (Ph D – Diss.).
- Priestly T. 1976 – A note on the glottal stop // *Phonetica*. 1976. 33.
- Priestly T. 1977 – Consonant alternations in the dialect of Sele Fara // *Papers in Slovene Studies* 1976 / Ed. by Rado L. Lenček. New York, 1977.
- Priestly T. 1982 – $*k$ + dative in a Carinthian Slovene dialect // *Folia Slavica*. 1982. 4.
- Ramovš F. 1924 – Historična gramatika slovenskega jezika, II: Konzonantizem. Ljubljana, 1924.
- Ramovš F. 1935 – Historična gramatika slovenskega jezika VII. Dialekti. Ljubljana, 1935.
- Shevelov G.Y. 1965 – A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. New York, 1965.
- Snoj M. 1997 – Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 1997.
- Slawski F. 1962 – Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962.
- Steenwijk H. 1992 – The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Amsterdam, 1992.
- Steenwijk H., Ed. 1993a – Fondamenti per una grammatica pratica resiana. Padova, 1993.

- Steenwijk H.* 1993б – Una base dialettale par il resiano scritto // *Steenwijk H.* Fondamenti per una grammatica pratica resiana. Padova, 1993.
- Štrekelj K.* 1887 – Morphologie der Görzer Mittelkarsdialekts mit besonderer Berücksichtigung der Betonungsverhältnisse. Wien, 1887.
- Tominec I.* 1964 – Crnovrški dialekt. Ljubljana, 1964.
- Truhetzkoj N.S.* 1933 – Zur Entwicklung der Gutturale in den slavischen Sprachen // Сборникъ в честъ на Л. Милетичъ. София, 1933.
- Vermeer W.* 1993 – L'origine delle differenze locali nei sistemi vocalici del resiano // *Steenwijk H.* Fondamenti per una grammatica pratica resiana. Padova. 1993.
- Zdovc P.* 1972 – Die Mundart des südöstlichen Jauntales in Kärnten. Lautlehre und Akzent der "Poljanci". Wien, 1972.

Перевел с английского *К.Г. Красухин*